

Ю. В. Балакшина

Славянская
и европейская
«бестолковщина»
(к проблеме
художественного
образа-итога
в творчестве
Н. В. Гоголя)

Существенная перестройка в гоголевском творчестве 1840-х годов связана не только с обращением к новым жанрам и темам, но, прежде всего, с эволюцией образной системы писателя. Исследователи неоднократно писали о публицистичности, дидактичности, символичности образа в творчестве позднего Гоголя. Нам представляется небезынтересным проследить, как в письмах и художественных текстах Гоголя 1840-х годов формируется смысловое и образное поле слова «бестолковщина». Выбор слова связан с его активным использованием в текстах различной жанровой природы для описания жизненно важных ситуаций и в ключевых местах сюжета.

В «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, построенном по алфавитно-гнездовому принципу, слово «бестолковщина» встречается несколько раз в связи со словами «безумие», «бестолковый», «галиматья», «тарабарить», «толковать». Оно может обозначать непонятный, бессмысленный разговор, бестолкового человека, чепуху, вздор, однако в ряде случаев имеет и более общие смыслы. Так, словарь фиксирует наличие в псковском диалекте слова «толковщина» и антонима к нему – «бестолковщина». При этом «толк», «толчина», «толковщина» понимаются как «смысл, сила, значение, разум, сущность содержания, безусловно, или по пониманию и объяснению иных; признаваемый в чем разум, смысл»¹. Соответственно, «бестолковщина» может быть интерпретирована как обозначение состояния мира, когда он лишен смысла, разума, содержания.

Одним из возможных источников гоголевской «бестолковщины» могла быть «бестолковщина» украинского философа Григория Сковороды.

Когда он преподавал в Харьковском коллегииуме (1759–1769), то учредил своеобразную оценку успехов студентов, употребляя выражения «весьма остр», «туп», «сущий бестолковщина» и др. Образ «бестолковщины» встречается и в ранних поэтических тестах Сковороды – например, в поэтическом диалоге «Разговор о премудрости»:

Человек. А разве ж есть сестра твоя?
Мудрость. Да, у меня.
 Сестра моя родна, точно ночь у дня.
Человек. И лжет она всегда, хотя одной родни?
Мудрость. Ведь одного отца, но дети не одни.
Человек. Зовут же как?
Мудрость. Ей сто имен. Она,
 Однако, у россиян есть бестолковщина².

Мудрость и бестолковщина предстают как две взаимообусловленных противоположности, как полюса эмпирической антиномии, которая «снимается в мистической сфере»³. При этом Мудрость понимается отнюдь не как свойство человеческого разума, но как принцип устройства мира («Доброты всякой ты и стройности ты мать»), Божественное начало миропорядка («Познай вперед меня, познаешь и Отца»).

Образный потенциал слова «бестолковщина» усиливается за счет сложного суффикса «-ов-щин-». Высокая продуктивность этого суффикса была отмечена в середине XIX и начале XX веков, когда с его помощью стали активно образовываться слова, обозначающие «характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской»⁴: обломовщина, маниловщина, эсеровщина и т. п. Во времена Гоголя суффикс был менее продуктивен и мог вызывать ассоциации с небольшим числом слов, в первую очередь, с такими, как «безотцовщина» и «бесовщина», «чертовщина». Ассоциативный ряд «безотцовщина – бестолковщина – бесовщина» обретает несомненную смысловую и даже символическую наполненность. Мир, лишенный Небесного Отца, теряет целостность, разумность, смысл и неизбежно оказывается во власти демонических сил.

Используя слово, заряженное образной энергией языка, связанное с литературно-философской традицией, Гоголь усиливает и умножает его смысловую и образный потенциал. Так, в первом томе поэмы «Мертвые души» слово «бестолковщина» встречается один раз, в X главе, когда Чичиков посещает чиновников, взбудораженных «разоблачением» Павла Ивановича: «...но все или не приняли его, или приняли так странно, такой принужденный и непонятный вели разговор, так растерялись, и такая вышла бестолковщина из всего, что он усумнился в здоровьи их мозга» (VI, 212). Это слово появилось во второй редакции поэмы, в 1841 г. записанной под диктовку автора В. А. Пановым и П. В. Анненковым в Риме: «...но все приняли его так странно, такой принужденный, такой непонятный вели разговор, так смутились и потерялись и такую понесли бестолковщину, что герой наш тоже с своей стороны чуть не потерял голову» (VI, 539). Оче-

видно, что в окончательной редакции слово «бестолковщина» обозначает не столько качество непонятной, бессвязной речи, сколько дает обобщенную характеристику ситуации: «такая вышла бестолковщина из всего», – что прямо относится к содержанию всей главы, включающей историю капитана Копейкина, апокалиптические толки о Чичикове, фантазмагии Ноздрева, нелепую смерть прокурора и, наконец, авторское отступление об «искривленных, глухих, узких, непроходимых, заносящих далеко в сторону» дорогах человечества (VI, 210). «Бестолковщина» в контексте главы оказывается в одном ряду с выражениями «Чорт знает, что такое!»; «непроходимое захоlustье»; «слепой туман», «дурь почище сна» (VI, 209, 211, 213), которым противопоставлен «прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине» и «нисходивший с небес смысл» (VI, 210). Это лирическое отступление отсылает читателя к библейскому учению о «двух путях»⁵, в контексте которого «бестолковщина» оказывается синонимом пути смерти: «Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое...» (Втор. 30:19). Однако библейский текст предполагает возможность свободного выбора человеком одного из двух возможных путей, тогда как в тексте Гоголя «бестолковщина» – такое состояние, которое овладевает миром и человеком как будто помимо их воли.

Во втором томе «Мертвых душ» слово «бестолковщина» появляется в похожей сюжетной ситуации: в сцене разоблачения Чичикова, оказавшегося после странствий по Руси в губернском городе. Писатель использует ту же, что и в первом томе, грамматическую конструкцию, чтобы подчеркнуть безлично-тотальный характер явления: «Произошла такая бестолковщина». Эпизод окрашен в демонические и апокалиптические тона: «...донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало, и даже такие, которых и не было» (VII, 118–119). Но здесь природа «бестолковщины» оказывается несколько иной: путаница возникает не в результате фантастических слухов, принятия одного за другого, а как следствие умелой деятельности юрисконсульта, запутавшего работу бюрократической машины российской государственности: «Когда стали, наконец, поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный князь ничего не мог понять. Весьма умный и расторопный чиновник, которому поручено было сделать экстракт, чуть не сошел с ума. Никаким образом нельзя было поймать нити дела» (VII, 118).

Два рифмующихся образа «бестолковщины» в первом и втором томе «Мертвых душ» задают два варианта того демонического состояния мира, которое исследует Гоголь. Условно их можно определить как славянский и европейский. Призрачная реальность, подменяющая собой сущность и лишаящая мир смысла (толка), может быть плодом архаического, мифологического сознания (славянский вариант) или результатом действия обезличенной бюрократической машины (европейский вариант). В первом случае фантомы порождаются сознанием, не способным воспринять сложность реальной жизни; во втором – функционированием системы,

вообще не нуждающейся в человеке и претендующей на то, чтобы господствовать над реальностью.

«Славянский» вариант «бестолковщины» можно обнаружить в <Авторской исповеди>, которая задумывалась как приложение к «Выбранным местам из переписки с друзьями». Гоголь, объясняя читателям, почему не может узнать Россию в непосредственном соприкосновении с ее действительностью, пишет: «Знакомства и в городах и деревнях тоже довольно трудны для разъезжающего не по казенной надобности, могут принять за какого-нибудь шпиона, и приобретешь разве только сюжет для комедии, которой имя бестолковщина» (VIII, 452). Сюжет комедийной путаницы, когда одно принимается за другое, относится к числу наиболее архаичных комических сюжетов и, безусловно, связан с базовыми структурами мифологического мышления, не предполагающего наличия непроходимых границ между природным, божественным и человеческим, между миром мертвых и миром живых. Традиционная карнавальная путаница – знак сбрасывания омертвевших ролей и масок, творческого обновления жизни. И хотя у Гоголя путаница присутствует в явно сниженном варианте «бестолковщины», можно предположить, что в своем «славянском» варианте она всё же сохраняет некоторый творческий потенциал – как минимум, может стать сюжетом комедии.

Гораздо большую тревогу вызывает у Гоголя второй, более современный, имеющий западные корни вариант «бестолковщины», превращающий человека в функцию обезличенной машины. Так, в «Выбранных местах из переписки с друзьями» слово «бестолковщина» использовано в главе «Что такое губернаторша» при описании деятельности предшественницы А. О. Смирновой, калужской губернаторши «Ж***» (Жуковской), которая «завела кучу благотворительных заведений, а с ними вместе – и кучи бумажной переписки и возни, экономов, секретарей, кражу, бестолковщину, прославилась благотворительностью в Петербурге и наделала кутерьму в К***» (VIII, 309).

В данном контексте слово «бестолковщина» обозначает попытку устроить жизнь в русском городе на европейский манер. Тот же смысл несет слово «бестолковщина» во втором томе «Мертвых душ», где оно подводит итог знакомства Чичикова с нововведениями полковника Кошкарёва: «Толкнулись они в департамент сельских дел – там переделка: разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку. “У нас бестолковщина”, сказал наконец Чичикову комиссионер. “Барина за нос водят”» (VII, 64). Идея-понятие, появившаяся в тексте публицистической природы, иллюстрируется во втором томе «Мертвых душ» соответствующей «живой картиной». Иллюстративную функцию образа Кошкарёва подчеркивает Костанжогло, который говорит, «что в нем отражаются карикатурно и видней глупости всех наших умников, – вот этих всех умников, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури в чужие» (VII, 67).

Жертвой бюрократической бестолковщины осознает себя и сам Гоголь, когда пытается опубликовать «Выбранные места...» Слово «бестолковщина» чрезвычайно часто появляется в его письмах конца января – начала

февраля 1847 г., в то время как он, находясь в Неаполе, узнает о цензурной судьбе своего детища, напечатанного в урезанном и искаженном виде: «По делам моим произошла совершенная бестолковщина» (А. О. Смирновой 30 января); «По делам моим относительно книги произошла в Петербурге страшная бестолковщина» (А. П. Толстому 6 февраля); «В бестолковщине этого дела по части цензуры, конечно, я виноват, а не кто другой» (П. А. Плетневу 6 февраля); «По делам моим относительно печатанья книги произошла совершенная бестолковщина» (В. А. Жуковскому 10 февраля); «Бестолковщина по части книги моей в Петербурге и другие непредвиденные препятствия отодвинули отъезд мой на Восток...» (С. П. Шевыреву 11 февраля).

Из 32 статей «Выбранных мест...» не были пропущены всего пять, однако Гоголь уверяет своих корреспондентов, что «больше половины писем остановлены цензурой», что книги «напечатана только одна треть в обрезанном и спутанном виде», а то, что увидело свет, называет «клочком», «оглодком», «брошюрой» (XIII, 198, 206, 208). «Бестолковщина» оказывается то «совершенной», то «страшной». В одних письмах виной произошедшей «бестолковщины» Гоголь объявляет себя – в других, адресованных Жуковскому, Шевыреву, винит Плетнева (XIII, 208). Только в письме А. П. Толстому, наиболее близкому по религиозным воззрениям, Гоголь решается говорить об истинных скрытых причинах происшедшего, связанных с духовной сферой: «Образовалось что-то» вроде демонского восстания к тому, чтобы воспрепятствовать ее выходу. Какие-то таинственные партии европейцев и азиатцев вместе совокупились, чтобы смутить и сбить с толку цензуру» (XIII, 206). Силы зла, ополчившиеся против явления Духа, Божьего слова, каким Гоголь считает свою книгу, действуют через маховик цензурного аппарата, внося в него хаос и путаницу.

Гоголь настойчиво повторяет, что цензурой не пропущены самые «существенные» и «нужные письма», адресованные должностным лицам и чиновникам, – это письма, в которых реализовалась социальная христианская утопия писателя, призванная доказать и показать, что и на государственных должностях человек может проходить христианское поприще, исполнять небесное призвание, то есть вносить смысл в сферу, где пока царит та самая «бестолковщина».

Осознавая свое временное поражение в схватке с демоническими силами, Гоголь готов продолжать духовную брань. Ее неперемное условие – обретение мира в душе, и хотя первые письма, написанные после получения известия о выходе «Выбранных мест...», крайне эмоциональны, 10 февраля Гоголь сообщает В. А. Жуковскому: «Бестолковщина эта меня прежде бы очень рассердила, но теперь, слава Богу, спокойствие мое не возмутилось» (XIII, 208). Основание для спокойствия дает уверенность в положительном решении Государя о переиздании книги без цензурных изъятий и подготовка второго издания. Обращение к Государю было для Гоголя не столько дипломатическим ходом, позволяющим обойти цензурную бестолковщину, сколько действием духовным – апелляцией к Тому, кто, находясь на вершине государственного устройства, не попал под власть сил

зла, но открыт Божьему действию: «Сердце мое говорит мне, что он не отвергнет. Тем более, что два месяца тому назад он приказал выдать мне не только новый паспорт на пребывание мое за границей, но приказал канцлеру написать во все наши миссии и начальства на Востоке, чтобы мне повсюду было оказываемо *особенное* покровительство... Всё это показывает мне, что рука Божья чьими-то чистейшими молитвами хранит меня!» (XIII, 208).

Гоголя не оставляет глубокая убежденность, что второе издание книги должно выйти к Светлому Христову воскресению. В письме к А. О. Россету он мотивирует это прагматически: «После Светлого воскресения сбыт и расход книжный прекращается и вся Россия погружается в непробудный сон во всех отношениях» (XIII, 210). Однако, по сути, писатель выстраивает сложный литературно-жизненный текст: строгая композиционная последовательность самой книги, устремленной от «Завещания» и темы смерти к «Светлому Христову воскресению», должна иметь продолжение в жизни, способствовать победе сил света над силами тьмы.

Еще один смысл «бестолковщины», имеющий равное отношение к славянскому и европейскому миру, обусловлен использованием этого слова для обозначения вырвавшихся наружу стихийных сил истории, обретающих форму бунта или революции. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» из «Выбранных мест...» Гоголь пишет о повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: «В первый раз выступили истинно русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственною пушкою, бестолковщина времени и простое величие простых людей...» (VIII, 384), – где «бестолковщина времени» выступает синонимом пушкинскому «русскому бунту». Однако в письмах С. П. Шевыреву и А. М. Виельгорской от 23 января 1848 г. Гоголь использует то же слово для определения политической ситуации в Европе: «Из Неаполя меня выгнали раньше, чем я полагал, разные политические смуты и бестолковщина, во время которых трудно находиться иностранцу, любящему мир и тишину»; «Но, может быть, гадкие италийские почты в эту минуту политической бестолковщины обестолковели еще более обыкновенного» (XIV, 47–48, 49)⁶. Очевидно, что, обозначая словом «бестолковщина» бунты, смуты, восстания, торжество хаотических сил истории вне зависимости от пространства их локализации, Гоголь, тем не менее, пишет о европейской «политической бестолковщине» с большей холодностью и отстраненностью, чем о русской «бестолковщине времени». Попадая в один ряд с «истинно русскими характерами» и «величием простых людей», такая «бестолковщина времени» становится признаком особой правды, которая открыта гениальному художнику и которая больше правды простого подражания жизни: «...не только самая правда, но еще как бы лучше ее» (VIII, 384). «Бестолковщина» здесь не противоречит способности искусства «из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде» (VIII, 385). «Бестолковщина времени» передает не его демоническую спутанность, а его трагическую сложность, становится своеобразным аналогом не только «русского бунта», но и пушкинской «метели»,

которая и являет непреодолимый хаос истории, и открывает исключительные возможности, связанные с выходом в метаисторию.

Наконец, слово «бестолковщина» встречается в двух письмах Гоголя, написанных 15 июня 1848 г. из Васильевки А. М. Виельгорской и С. П. Шевыреву. После возвращения из долгого странствования в чужих краях и путешествия ко Гробу Господню, на родине Гоголь сталкивается с холерой, засухой, голодом. Внешнее неблагополучие родного края сопрягается с состоянием внутренней опустошенности: «Вот уже месяц, как я на родине, где мне покуда несколько пусто, хотя сам не знаю, отчего; ничего не мыслится и не пишется; голова тупа» (XIV, 75). «Бестолковщина» снова приобретает универсальный смысл, становится собирательным обозначением состояния России, мира, истории, собственной души, но не демонизируется, не предстает в обличье духовных врагов, с которыми нужно по-рыцарски сражаться: «Но если я не смущусь ничем и пребуду тверд среди явлений возмущающих и, не упавши духом, буду в силах, посреди потрясающей бестолковщины времени, удержаться на своем мирном поприще литературном и быть певцом мира и тишины посреди брани, то это будет истинное чудо, милость Божья, которой и надеяться не смею, но о которой просить все-таки хочется» (XIV, 72). Пушкинский контекст письма (ср.: «Другой пускай поет героев и войну, / Я скромно возлюбил живую тишину...»⁷) снимает тональность негодования, обличения, и «бестолковщина» становится образом неоторимой и трагической тяжести русской жизни, с которой невозможно, да и не смиренно бороться слабому одинокому человеку и которая может быть побеждена только прямым Божьим вмешательством: «В будущем [предстоит] голод и та же повсюдная бестолковщина. Если Бог не вмешается наконец сам в дело, люди погибнут от собственной глупости» (XIV, 75).

Таким образом, слово «бестолковщина» становится одним из ключевых образов-понятий в творчестве позднего Гоголя, проявляя себя в текстах разной жанровой природы. Из художественных произведений оно перемещается в книгу «Выбранные места из переписки с друзьями», которая не содержит «живых образов повествовательного сочинения» и является «не более как рассуждением» (VIII, 458–459), это же слово активно используется в эпистолярной Гоголя 1847–1848 годов. И, попадая в контекст статьи, публичного или частного письма, оно, на первый взгляд, утрачивает сложную систему ассоциативных связей, какими оно было пронизано в «Мертвых душах», но взамен обретает новые смыслы, возникающие в результате соприкосновения с «живой жизнью». Гоголь в 40-е годы ищет новый образ, новое слово, не претендующее на теургическую функцию, но не исчерпывающееся и функцией иллюстративно-дидактической, сохраняющее духовную вертикаль, но позволяющее жизни встречаться с самой собой. Писатель ставит перед собой задачу: «Нужно, чтобы в создании... жизнь сделала какой-нибудь шаг вперед» (VIII, 456). Гоголевское слово, смиряясь перед жизнью, восходит от смысла к смыслу. Из комического и сатирического образа, призванного воссоздавать в тексте атмосферу слухов, нелепых домыслов, путаницы или объективированного, бюрократизированного

бытия, устроенного на европейский манер, «бестолковщина» трансформируется в сложный символ, передающий действие хаотических сил русской и европейской истории, трагическую сложность прошлого и настоящего русской жизни, вызывающей к Божьему милосердию.

Примечания

¹ *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 2006. Т. 4. С. 403.

² *Сковорода Г. С.* Разговор о премудрости // Он же. Сочинения. – [Электрон. изд.] [http:// predanie.ru/skovoroda-grigoriy-savvich/book/83849-sochineniya/](http://predanie.ru/skovoroda-grigoriy-savvich/book/83849-sochineniya/) (дата обращения 12.07.2016).

³ *Зеньковский В. В., прот.* История русской философии: в 2 т. Paris, 1980. Т. 1. С. 80.

⁴ *Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986. С. 122.

⁵ Евангельская версия предполагает, что к спасению ведет узкий путь: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13–14). Но, по мысли Гоголя, прямой Божий путь «всех других путей шире и роскошнее» (VI, 210).

⁶ Гоголь говорит о начале итальянской революции: 12 января 1848 г. восстали жители Палермо на острове Сицилия. Это спровоцировало выступления в районе, соседнем с Неаполем, и его охватили бурные демонстрации, а напуганные власти не решались их разогнать. В конце января король Фердинанд II, стремясь унять народные волнения, объявил о даровании конституции.

⁷ *Пушкин А. С.* Сочинения. М., 2002. С. 728.